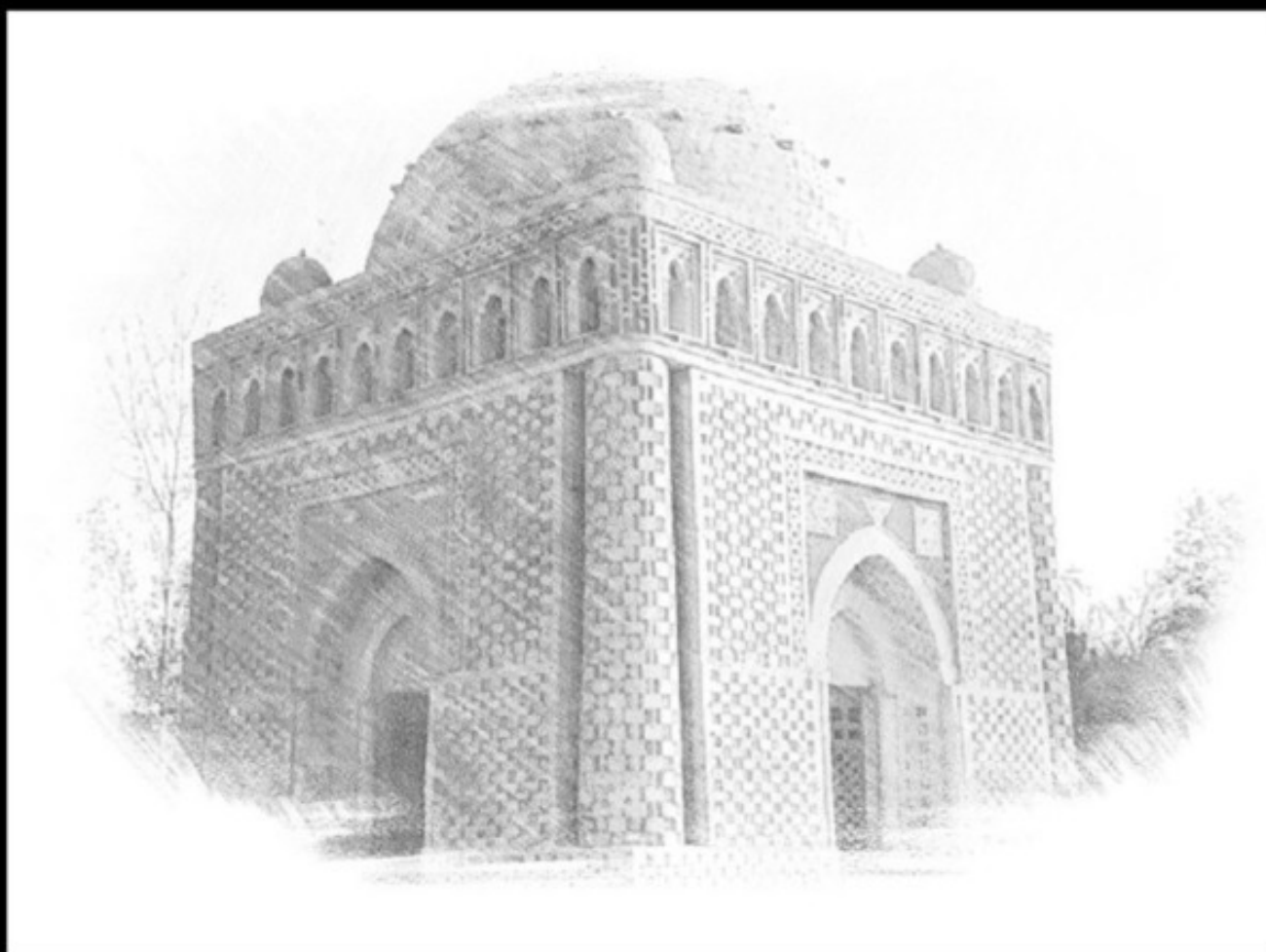

ГАЛИНА ДОЛГАЯ

Панжара

РАССКАЗЫ

Галина Долгая

Панжара. Рассказы

«Издательские решения»

Долгая Г.

Панжара. Рассказы / Г. Долгая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933721-4

Рассказы этого сборника как откровения, пришедшие из древнего мира. Их голос звучит в находках археологов и в исторических манускриптах, в легендах и преданиях, передаваемых из уст в уста. Нужно только уметь слушать. Фантазия автора переплетается с историей, и ее страницы оживают на грани реальности и сна.

ISBN 978-5-44-933721-4

© Долгая Г.
© Издательские решения

Содержание

Сокол над Еркурганом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Панжара Рассказы

Галина Долгая

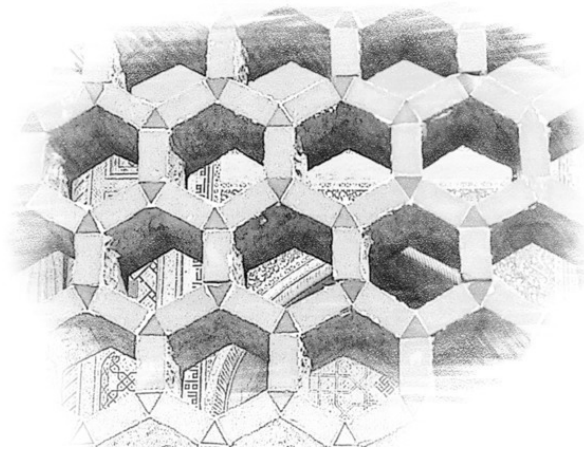
© Галина Долгая, 2018

ISBN 978-5-4493-3721-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Панжара – это декоративная решетка на окнах для защиты от палящего солнца. Искусство создания панжары уходит в ту пору, когда на азиатской земле начали возводить мавзолеи и медресе. Панжара – это больше, чем решетка! Вырезанная из дерева или мрамора, сложенная из кирпичей, она сотворена так, что между сплетениями твердой основы образуются геометрически-точные пространства света и воздуха. Панжара создает особую атмосферу бытия, когда все суетное остается за ней – в том жарком солнечном мире, где живет реальность. Свет из окна, защищенного панжарой, льется мягко, растекается по всему внутреннему пространству, играя пылинками в воздухе и собирая на полу призрачную мозаику.

Рассказы этого сборника, как поток времени, разбитого панжарой на отдельные ручьи, как откровения, пришедшие из древнего мира, голос которого звучит в находках археологов и исторических манускриптах, в легендах и преданиях, передаваемых из уст в уста, от поколения к поколению...

Сокол над Еркурганом

1370 год

...Сокол беспокойно кружит над развалинами древнего города. Солнце медленно падает за горизонт, очертивший бескрайнюю степь багряной полосой заката. Еще миг – и наступит момент истины: момент согласия дня и ночи, света и тьмы!

Сокол пронзительно вскрикнул, прощаясь со светом, и камнем ринулся вниз – к Земляному холму, под которым спит древний город...

Нимидин проснулся. Сердце стучало в груди от страха. Сокол, покинувший свое место на посохе, снился каждую ночь. И каждый раз он просыпался, чувствуя, как ветер ударяет в уши при падении.

Сокол вновь привел его к Еркургану¹ – к бывшей столице древнего Нахшаба², в которой прошло его детство, в которую он возвращался в разные времена и вновь покидал его. Уходя, он десятилетиями бродил по миру, нигде не задерживаясь дольше, чем на одну человеческую жизнь, пытаясь забыть то, что связывало его с Городом Образа Светлых вод.

Он уже не заводил семью – тяжелы утраты! Их груз куда тяжелее амулета, дарующего вечность! Жены, дети, внуки старели и оставляли этот мир, как и положено простым людям. Но Нимидин был не простым. Он был и есть хранитель амулета – лягушки, взбивающей эликсир бессмертия. Приняв ее однажды из рук приемной матери не по своей, но по ее воле, он не расставался с ней всю жизнь – очень долгую жизнь, очень сложную жизнь.

Лягушка – дар Великого бога кочевников Тенгри – в детстве вернула ему здоровье и жизнь, но взамен забрала счастье любви и дружбы, повергнув в омут одиночества и безысходной тоски.

Как не мог Нимидин избавиться от амулета бессмертия, так не мог и откопать заветный камень, который десять веков тому назад сам замуровал в стене дворца. Не простой камень! Его приемная мать была служанкой принцессы, от нее он услышал историю камня, связанную с царями Никшапайи. И надо же было так случиться, что спустя полвека Нимидин оказался случайным свидетелем сражения потомка царя Хуфарна со злоумышленником, во время которого камень вылетел из перстня царя и упал к его ногам – к ногам простого каменщика, обновляющего стену в преддверии алтарной комнаты дворца! Все решил миг как момент истины между днем и ночью, между светом и тьмой! В необъяснимом порыве каменщик поднял камень и замуровал его в кладке. Тогда он подумал, что потом, позже, когда минует одно-два поколения, и его уже никто не сможет узнать, он вернется во дворец и достанет тот камень. Но прошло гораздо больше времени и не одно-два поколения сменили друг друга в чередке жизней, а несколько десятков!

Сколько раз пытался Нимидин проникнуть во дворец, но всякий раз, как он подходил к городу – то еще доживающему свой век, то разрушенному и покинутому горожанами, то уже заплывшему глиной и песком, – каждый раз что-то или кто-то мешал ему, и камень оставался на своем месте, известном только ему – каменщику Нимидину!

Нимидин окончательно проснулся. Ветер подул порывами. Скоро рассвет! Уйти бы до него, чтобы потом не объяснять караванщику, зачем ему оставаться у Земляного холма – как теперь называют древний город, немым памятником стоявший на караванном пути от Бухары к Карши – новой столице Нахшаба. Которой уже? Третьей? Четвертой? Нимидин поморщился.

¹ Еркурган – Земляной холм, название городища, расположенного близ города Карши

² Нахшаб – область Южного Согда, древнее название – Никшапайя

Что-то память стала подводить. То всплывут какие-то картины, которых он и вовсе не помнит, то вот сосчитать не может, который город поставили люди на берегу Светящейся реки. Мда... Как ни сильна лягушка, а годы берут свое! Годы... не годы – а века! Сколько воды утекло с тех пор, как он босым мальчишкой бегал по улицам Города Образа Светлых вод, сколько дней закатилось за полосу багряного горизонта!

Он так и зовет реку – Светящаяся³! В разные времена люди давали ей разные названия. Старые уходили в прошлое и терялись в нем, если только кто-то не упомянул их в посланиях царям или в летописях. Дум, Наутака, Кашкашон... Но, сколько он помнил, воды этой реки всегда светились под солнцем или поблескивали загадочным светом под луной. Светящаяся! Светлая! Священная!

В пору его юности люди верили в Богиню Светлых вод, в щедрую Ардви Суру Анахиту – богиню плодородия, покровительницу древнего города, в храме которого Биришим спрятала свой клад, который при смерти завещала ему найти. Теперь люди верят в единого бога – в Аллаха, а Светлая Богиня лежит под толстым слоем земли у алтаря, разбитая на куски. Но люди продолжают чтить ее, даже не называя по имени, когда просыпается земля, когда появляются молодые всходы на полях, когда природа уравнивает день и ночь. Много изменилось в жизни и обычаях людей, но не оторвать их от природы, как и не изменить ее законов!

Воздух посерел – день близится. Нимидин встал, снял поясной платок, размял плечи. В распахнувшийся халат влетел вездесущий ветер, похолодил спину. Нимидин заправил полы халата и крепче затянул платок вокруг талии. Седые кудри упали завитушками на лоб, пощекотали шею. Нимидин поднял каракулевую шапку, нахлобучил по самые уши. Хорошо! И ветер ничем! Свернув коврик, он связал его, закинул за спину, взял свой посох и, оглянувшись на просыпающийся караван, ушел на восток к розовеющему небу. Высокие холмы Еркургана темнели вдали на его фоне. Что там сейчас? Живет ли кто? Пасет ли у его стен овец? Или спит старый город в тиши, не потревоженный людской суетой? Сердце в груди замерло. Вот он, уже почти рядом, уже видны его очертания – город его детства, город его воспоминаний.

Взобравшись на оплывшую стену, Нимидин замер. Тревога, поднятая соколом из сна, снова одолела. Предчувствие значимости сего дня окончательно оформилось и погнало его сначала вниз, потом на холм, ступая по склону которого, он и через подошвы чарыков⁴ ощущал прикосновение к стенам дворца – невидимых глазу, но существующих и в его памяти, и под слоем земли.

Посветлело. Краешек солнца всплыл над миром. Нимидин обошел провал и, прикинув, в какой части дворца он образовался, прыгнул в щель, по его подсчетам ведущую к тронному залу.

Не оставляют люди заброшенный город! Сразу видно – роют здесь землю, ищут богатства царей. И так из века в век! А ему всего лишь и нужен один-единственный камень величиной с ноготь большого пальца. Невелик, но сила в нем огромная! По преданию создан он из крови и молока самой повелительницы Земли, жены грозного бога Солнца, именуемого древними греками Зевсом. Гера зовут ту богиню. Сила ее бессмертной плоти хранила Никшапайю на протяжении многих веков. Но сила нового бога оказалась под стать урагану, сметающему на пути все, что было до него. Так погиб Город Образа Светлых вод. Так иссякла молочная река, питающая его благами земными. А если поднять тот камень, вставить в достойную оправу, согреть человеческим теплом, показав таким образом, что не забыты древние боги, что помнят люди, что нуждаются в их покровительстве?..

Нимидин пробрался к постаменту, возвышающемуся над полом на ступень. Здесь стоял трон царя! Здесь, в этом зале он видел сражение за обладание царским венцом! Нимидин обо-

³ Светящая река – река Кашкадарья

⁴ Чарыки – кожаная обувь с загнутыми носами

шел полуразрушенную колонну, с опаской поглядывая на прогнувшийся потолок. За колонной был проход в преддверие алтаря. Оставив посох с котомкой, он снял халат и пошарил по стене. Руки провалились в проем. Тревога сбила дыхание. Но былой азарт притупил бдительность. Нимидин пролез через проем и в сером свете, сочащемся через него, увидел: вот она – та стена, которую он сложил. Один, второй ряд. Руки шарят по глиняной штукатурке, отсчитывая ряды кирпичей до того самого, над которым лежит камень... здесь!

Рубаха отяжелела от пота, во рту пересохло. Нимидин облизнул губы, пригладил взмокшие волосы, достал нож и принялся скрести им в промежутке между кирпичами. Глубже, глубже... как бы не повредить камень! Несколько кусков замазки отвалились и упали на колени. Нимидин отложил нож. Только одной рукой он мог разломить окаменевшие куски. Вторая, обожженная в детстве горячим металлом, служила опорой, не более. Но он ловко управлял ею, поддевая куски, подвигая к здоровой руке нужный. Ни один не поддавался сильным пальцам. Нимидин перевернул нож и осторожно постучал рукояткой по одному куску. Не сразу, но тот рассыпался. Камня в нем не было. Несмотря на то, что от нетерпения руки дрожали, Нимидин сосредоточился, и один за другим долбил куски замазки, пока наконец в одном из них не показался овальный, плоский с двух сторон камень. Нимидин сел, вытянув ноги и отодвинувшись от стены так, чтобы на руку падало больше света; поплевал на камень, протер его подолом рубахи, посмотрел на свет и, убедившись в том, что это то, что он искал, опустил руки и закрыл глаза.

Нашел! Нашел то, о чем думал многие годы! Нашел заветный красный агат с молочной полосой, разделившей его на две неравные части. На гладко отполированной стороне древним мастером была искусно выгравирована картина, о которой он слышал в рассказе матери и которую только мельком увидел, когда прятал камень. Обнаженный бородатый мужчина крепкого телосложения, в круглой шапочке с отворотом, держит правой рукой, переходящей в сложенное крыло, высокий посох, а на нем сидит сокол! Вернулся сокол на свое место! Теперь будет Нимидин спать спокойно, не тревожась необъяснимым, не пугаясь падения с высоты небес.

Снаружи послышался шорох. Нимидин обратился в слух. Тишина. Взглянул на камень. Зевс приподнялся на цыпочках. Вот-вот взлетит, обратившись в сокола. Это знак ему! Спрятать камень, и прочь из бывших покоев дворца, пока перекрытия потолка не обвалились под тяжестью глины.

Глубокий вздох на свежем воздухе, и чувство покоя и удовлетворения растекается по телу. В щели никого. Только юркая ящерка замерла на сколе стены и разглядывает человека внимательными круглыми глазами. Нимидин спрятал камень в шов на вороте рубахи. Никто не найдет, даже если обыскивать будет. Он давно это придумал и заранее надорвал нитку. Потом зашьет. А потом... Что будет потом?..

Сверху посыпались мелкие кусочки сухой земли. Мальчишка заглянул вниз и тут же исчез. Нимидин поспешил облачиться в халат, нахлобучил шапку, собрал нехитрый скарб и, ухватив посох поперек, полез наверх по наклонной стене провала. Заметили его, выследили! Мальчишка не один. Это понятно. Ладно. Небось, старика не обидят!

Как и предполагал Нимидин, наверху его поджидали. Мальчишки и след простыл, а два молодца окинули его колючим взглядом.

– Здравствуйте, отец! – один из них приветствовал, а в его голосе слышалось удивление. Не ожидал увидеть старика. – Никак заблудились вы, почтенный. Здесь дороги нет.

Тяжело дыша – более нарочито, чем на самом деле, – Нимидин устало посмотрел в глаза юноши. Тот не опустил их, лишь прищурился. Что ж, видно – хозяин здесь! Но старшего обязан встречать с уважением – так воспитывают детей в азиатских краях!

– И то верно, сынок, заблудился, – покачивая бородой, ответил Нимидин и сел, вздохнув еще тяжелее. – Свернул с дороги по темноте, а тут горы! Провалился в какую-то яму... насилу выбрался. Не дашь путнику воды? Вижу, у тебя бурдюк на поясе.

Юноша снял округлую кожаную флягу, вынул пробку, подал. Нимидин жадно припал к горлышку, подняв голову. Кадык на его худой шее ходил туда-сюда при каждом глотке, которые в тиши мертвого города были слышны даже лягушкам в пруду.

– Спасибо, сынок! – вытерев мокрые губы, Нимидин вернул флягу. – Теперь проводи меня до дороги, а то опять заплутаю. В Карши иду, – добавил он для ясности и поднялся, кряхтя.

Исподлобья Нимидин обвел взглядом округу. Кто еще пришел с этими двумя? Никого, вроде... Но вот в главные ворот въехал человек на осле. Далеко, не разглядеть, каков он. Видно только, что халат на нем полосатый, чалма и, хоть и едет на осле, а палкой отталкивается от земли, будто сам идет. Интересный старик. Да едет скоро – торопится! И едет к ним, по всему видать.

Юноша тоже заметил необычного всадника и засуетился. Видно, знаком ему!

– Идемте, отец, мы поможем вам спуститься.

Кивком головы он позвал спутника, и они вдвоем, придерживая Нимидина под руки, пошли с верхушки дворцового холма вниз.

– Пейте чай, уважаемый! – аксакал⁵ кишлака, приютившегося за дорогой от Еркургана, подал пиалу с дымящимся чаем.

Бедана⁶, только что щебетавшая на все лады, смолкла. Даже птица понимает: когда разговаривают почтенные люди, другим не стоит голоса подавать!

Нимидин и тот старик, который торопился к ним на осле, сидели в чистом дворике за дастарханом⁷. Нимидин удивился было такому вниманию. На вид он – бродяга, зачем звать такого в дом? Но каким-то внутренним чувством он понимал, что приглашение – это только начало.

– Издалека идете? – также издалека начал разговор старик.

– С караваном шел из Бухары, – прихлебывая чай, ответил Нимидин.

Старик понимающе покачал головой. Сделал знак рукой и двор опустел. Все разбежались по своим делам, но Нимидин знал, стоит хозяину только бровью повести, как тут же появится тот, кто ему нужен.

– Вижу, человек вы непростой... – многозначительное молчание обещало необычный разговор.

Нимидин поставил пиалу, взглянул собеседнику прямо в глаза. В белоснежной его бороде он заметил хитрую улыбку, а глаза, упрятанные в глубине лица за кустистыми бровями, оставались серьезными, более того – в них таился интерес. «Умеет держать себя, – подумал Нимидин, – тоже непростой человек!»

– Да и я вижу, что вы человек важный, – ответил также неопределенно с подобающей вежливостью в голосе. – Говорите прямо, ко мне у вас какое-то дело? Может, спутали меня с кем-то?

Старик улыбнулся шире. Нет, не спутал! Знает, с кем имеет дело. Что за человек? Любопытство овладело Нимидином. Он и о агатовом камне забыл, но старик напомнил:

– Давно ожидаем вас! Только вы знали, где он!

⁵ Аксакал – старый уважаемый человек

⁶ Бедана – перепелка

⁷ Дастархан – накрытый на полу низенький столик с яствами

Пот прошиб Нимидина от этих слов. Он почувствовал, как жирные вязкие капли медленно ползут по спине, как взмокли ладони. Старик заметил перемену в госте и поспешил успокоить.

– Вам не стоит бояться нас. Лучше выслушайте, – он помолчал, будто собирался с мыслями, не зная, с чего начать столь важный разговор. – В наших краях давно известна легенда о камне силы. Рассказывают, что он хранил наши земли от завоевателей, а последний принц этого города, – старик кивнул назад, за спину, – воспарил с ним, когда от врагов уже было не спастись. Может и так. Но было мне видение – сон, который я видел яснее, чем вас сейчас. И в том сне поведал мне посланец Аллаха об агатовом камне, о вас и еще об одном человеке, который ныне только идет к своей славе, но скоро придет час, когда и он осознает силу свою настолько, что равных ему не останется в Мавераннахре⁸.

Старик замолчал. Но и сказанного было достаточно, чтобы задуматься. Никто не знал о тайнике каменщика! Никогда никому Нимидин не сказал о нем ни слова, ни единым намеком не раскрыл своей тайны. Не врет старик? Ангел небесный поведал ему о сокровище и о нем – бессмертном человеке, спрятавшем его тысячу лет тому назад? И ход прорыли к тронному залу... На самом деле знали, где камень спрятан? Но сами не нашли, его поджидали!

За прожитые годы Нимидин многое познал, многому научился. Не зря говорят, что старики мудры! Даже за самую обычную человеческую жизнь они преодолевают столько трудностей, постигают столько уроков жизни, что уже трудно их удивить чем-то. Что говорить о нем – о человеке, который живет жизнь десятка поколений?! И все же он удивился. Никак не ожидал Нимидин подобной встречи. Не думал, как вести себя, что говорить. Но, глядя сейчас на старика, ожидающего его признания и подчинение воле Всевышнего, он понимал, что только ему принимать решение. Никто силой не возьмет его сокровище – не такие это люди! Он может уйти с ним, может снова спрятать его так, что никто не найдет. Но надо ли это? Зачем ему заветный камень предков? Что ему с ним делать? Он не царь, чтобы охранять свои владения и свой народ от завоевателей. Он простой каменщик, которого тяготит один камень, принадлежащий ему по праву – агатовая лягушка, амулет здоровья и бессмертия, с которым он тоже не знает, что делать.

Вдруг его осенило: спросить у этого старца? А вдруг он знает, кому бессмертие важнее обычной жизни? Может быть, вместе с камнем Зевса отдать и дар Тенгри? Сила двух богов вкупе с верой в третьего – это огромная сила! К чему она приведет того избранного, которого отметил его бог? всю жизнь Нимидин искал ответ на вопрос: куда деть лягушку, кому отдать ее? И отдавал! И забирал потом...

Хозяин дома развеял чары воспоминаний, окликнув его:

– Что молчишь, странник? Вижу, крепко ты задумался.

– Задумался... – Нимидин потрянул головой, сбрасывая сомнения, и бодро ответил: – Раз вы все обо мне знаете, и посланники бога навещают вас, как могу я возразить?! Но есть у меня условие... и вопрос.

Старик подлил чаю в пиалу и сказал коротко:

– Спрашивайте! Если смогу, отвечу.

Казалось бы – вот он, момент, который может решить его будущее! Но вдруг испугался Нимидин. Чего? Не смерти, нет! Он вдруг представил, что злой человек обретет бессмертие и силу богов. Как тогда жить добрым людям? Тот, кто властвует – решает судьбы народов! А вдруг лихой человек тот избранный? А он ему бессмертие?

– Спросить хотел, а вы знаете того человека, которому предназначен агатовый камень?

Старик потербил бороду.

⁸ Мавераннахр – историческая область в междуречье Сыр-дарьи и Аму-дарьи

– Зовут его Темур, сын Мухаммад Тарагая из рода Барласов. В народе ходит слух о смелости Темура, о его воинских успехах. Я не видел этого человека. И большего сказать о нем не могу. Но я должен исполнить волю Аллаха! Если ему угодно выделить Темура среди других славных воинов, то так и будет! Если должно ему владеть камнем силы, то так и будет! Если вы не отдадите его Темуру сами, то все равно случится так, что он у него окажется, но другим путем.

Нимидин выслушал неспешную речь старика, который чеканил каждое слово. Что ж, камень силы он отдаст! А о своей лягушке промолчит. Не время ей перейти в другие руки! Не было на то ни видений у этого почтенного человека, никаких особых знаков, по которым сам Нимидин понял бы, что пора с ней расстаться.

– Хорошо, почтенный, я отдам камень. Он мне не нужен. Но вот мое условие: я хочу сам увидеть того воина, о котором вы поведали мне.

Старик согласно кивнул.

– Отдыхайте пока. Здесь все для вас. Мальчик принесет одежду. Вечером мы отправимся в Карши. Темур Барлас должен прибыть туда. Я послал весть правителю города. Они будут ожидать нас.

С этими словами старик встал, взял свой длинный посох, сел на осла и, опираясь посохом о землю, выехал со двора.

Они встретились на исходе дня, на дороге, ведущей в город. Еще издали приметили старики облако пыли, поднимаемой сотнями копыт – войско идет! Юноша, посланный вперед, доложил, что впереди войска за авангардным отрядом едет на гнедом коне знатный воин, рядом с ним – старец в белых одеяниях. Чуть поодаль идут другие знатные воины. Впереди всех воин со знаменем, на котором три круга – символ Темура, тайный знак древних, в котором объединены прошлое, настоящее, будущее; сила, справедливость, верность.

Старики встали на обочине. Белый цвет их халатов – цвет святости и чистоты – не мог быть не замеченным. Духовный наставник Темура Мир Саид Барака простер руку к ним, обращая внимание Темура. Войско встало. К старикам выехал посланец.

– Скажи господину, что у нас для него есть дар, посланный Аллахом, – с дрожью в голосе промолвил старик.

Нимидин поддержал его за локоть, давая понять, что он с ним в минуту, которая, возможно, станет самой главной в его жизни. Старик, не оборачиваясь, кивнул.

Посланник вернулся и разрешил подойти.

Старики пошли рядом. Нимидин прятал в рукаве покалеченную руку, дабы не оскорбить эмира ее убожеством, а в другой сжимал заветный камень, завернутый в лоскут синего бархата.

Поравнявшись с Мир Саидом Барака, старик поклонился ему, давно зная об этом святом человеке, познавшем особые тайны мира. Все вокруг молчали, только кони переступали с ноги на ногу и пофыркивали в нетерпении, ожидая скорый привал и отдых.

Мир Саид Барака дернул поводья, принуждая коня отступить на шаг. Старик и Нимидин оказались прямо перед Темуром. В его прищуренных глазах трудно было прочесть что-либо, но появление старцев на пути, несомненно, вызвало интерес. Совсем недавно три таких старца вместе с Мир Саидом Барака вручили ему символы власти, благословив таким образом на царствование. Что же ему ожидать от этих благочестивых стариков?

– Великий и досточтимый господин! – начал свое приветствие спутник Нимидина. – Да будут ваши дороги светлы и легки, а жизнь ваша полна побед и славы!

Темур слушал его, пытливо взглядываясь в лицо. Но старик не смел смотреть в его глаза. Он говорил, смиренно опустив голову.

– ... в видении моем явился ангел и передал волю Всевышнего...

Как только старик сказал о камне силы, Нимидин вышел вперед. Не скрывая любопытства, он смотрел на Темура, проникаясь особой почтительностью и понимая важность этого момента. Но взгляд воина был тяжел. Какая-то неземная сила присутствовала в этом человеке, и, казалось, одно неловкое движение, одно не попадание сказанное слово может вызвать его гнев, обратить ту силу против того, кто ему не угоден. Глаза его словно предупреждали: «Говори, думая, не пытайся солгать». И все же Нимидин выдержал тот взгляд. Но споткнулся на следующем шаге и выпростал покалеченную руку, чтобы удержаться и не упасть. Темур при этом выпрямился. Нимидину показалось, что усмешка скользнула по его губам. Но он сказал то, что должен был:

– Примите, господин, дар богов, сотворивших этот камень для защиты земель того, кто владеет ими, – и протянул бархатный сверток.

– Богов, говоришь? – в словах Темура послышалось недовольство.

Нимидин так и стоял с вытянутой рукой. Но не опустил ее, а ответил:

– Камень этот хранил наш край в давние времена, когда люди еще не обрели истинного бога, господин. Долгие годы камень пролежал в развалинах Еркургана, дожидаясь, когда на свет появится истинный царь, способный объединить народы этих земель под своей властью. Видение этого старца – подтверждение тому, что такой человек – вы. Наше дело передать камень.

Темур, казалось, потерял интерес к происходящему. Он кивнул, и воин из его свиты подъехал к Нимидину. Он взял свернутый лоскут ткани и засунул его за пазуху. Войско двинулось дальше. Старики отошли на обочину. Они стояли в облаке пыли до тех пор, пока мимо не прошел последний обоз. Потом старец из кишлака опустил на землю. Силы покинули его. Подоспевшие на помощь юноши помогли ему забраться на осла и отвезли домой.

1377 год

Студеный ветер теребил полог походного шатра. Темур сидел, облокотившись на подушки и прикрыв ноги одеялом. Тепло согревало, но досада не уходила. Который раз он преследует Камар-ад-дина! А он все ускользает и продолжает грабить его города и земли!

Темур откинул одеяло, дотянулся до кубка с вином. Снаружи слышался смех воинов. Хорошо, что смеются! После сражения воинам нужен хороший отдых. Он встал.

Чуткое ухо слуги уловило движение, он шмыгнул в шатер и, сразу поняв намерение господина, подал стеганый халат.

Из ущелья, где Темур разбил Камар-ад-дина, тянуло сыростью и едва уловимым запахом тления. Ночные падалыщики уже пировали. Такова жизнь! В этом мире если не ты кого-то, то кто-то тебя! Поэтому Темур и срывался с места при вести о дерзких набегах правителя Могулистана. Нельзя чтобы он или кто-то другой чувствовали себя безнаказанными. Здесь он правитель, Амир Темур! И ему решать, кто сегодня станет пищей для шакалов!

В стойбище было светло как днем. У каждого костра группой сидели воины. У ближайшего Темур заметил чужака. Старик... что-то рассказывает. Воины слушают с вниманием.

Темур едва кивнул, и слуга оказался рядом.

– Что за старик?

– Бродяга. Рассказывает об Искандере⁹.

Темур вскинул брови. В народе ходит много легенд о великих воинах. Когда-нибудь и о нем будут рассказывать у костров...

– Позвать? – тихо спросил слуга.

– Не надо. Сам пойду.

⁹ Искандер Двурогий – Александр Македонский

Он подошел и встал неподалеку, так, чтобы не привлекать внимания. Прислушался. Старик говорил об осаде города... какого? Города Образа Светлых вод? Что за город?

– Неделю стоял Искандер Двурогий у стен города, вторую. Никто не отворял ему ворот, никто не сдавался в плен. Он ожидал быстрой развязки – слава непобедимого воина бежала впереди него! Но не случилось! Сила камня охраняла город многие века и в этот раз даже Искандеру пришлось снять осаду и уйти не солоно хлебавши!

Кто-то заметил повелителя. Вскочил. За ним поднялись все воины, сидевшие у костра. Темур подошел. Старик тоже поднялся. Этот полководец внушал страх не меньше, чем легендарный предводитель македонцев.

– Кто ты, старик? – спросил Темур, буравя взглядом того, кто не прятал от него глаз.

Воины отошли, понимая, что разговоры повелителя не для их ушей.

– Мое имя Нимидин. Я странник. Шел к Теплому озеру¹⁰, но пришлось обождать, когда закончится битва в ущелье, – ответил старик, а Темур разглядел, что не так уж и стар этот странник.

Темур сел на тук. Кивнул страннику. Он тоже присел, не рядом, но так, что они хорошо видели друг друга.

– О каком городе рассказывал ты? Не слышал я о таком.

– Вы его видели. От Города Образа Светлых вод остался большой холм недалеко от Карши. В народе его называют Еркурган.

Память выдала Сахибкирану картину из недалекого прошлого. На фоне закатного неба стоят два старика в белых халатах. Один говорит о видении, другой, с увечной рукой протягивает небольшой лоскут с камнем, в котором, как он сказал, заключена сила.

– Я тебя вспомнил, – Темур поднял палку и поворошил в костре. Пламя взметнулось ввысь новыми лепестками. – Покажи правую руку. – Нимидин закатал рукав. Сжатые пальцы размером как у ребенка дрогнули над обожженным запястьем. – Как это случилось?

– В детстве. Работал помощником у кузнеца. Горячее лезвие клинка обвило руку. Насилу выжил тогда...

Темур понимающе поджал губы и сказал с гордостью:

– Мои раны получены в боях.

Нимидин почтительно склонил голову. Помолчали. Мужчины не хвастаются шрамами, но помнят о событиях, при которых они были получены. Их тело как летопись хранит эпизоды жизни, от некоторых из них порой начинается новый отсчет времени.

Темур вернулся к теме беседы:

– Не о том ли камне, который был в видениях другого старика, ты рассказывал моим воинам?

– Истинно так, господин, о нем – о камне силы. Вижу, не пришелся он вам по вкусу, нет его на вашей руке.

– Он в Самарканде. На тонком пальчике Катта-ханум¹¹. Кому как не женщине хранить очаг? – Темур хитро посмотрел на странника.

– Верное решение! – одобрил тот. – Камень силы служит защите. Пусть хранит славный Самарканд, а вместе с ним весь Мавераннахр! – пафосно закончил он свою речь.

Темур молча согласился. Изображение чужого бога не впечатлило его. Защита?.. В его планах были завоевания, расширение империи. А защитить свои владения от таких как Камар-ад-дин он может и без какого-то там камня. Но интерес к его истории он все же проявил.

– Расскажи мне о нем.

Нимидин вновь начал свой рассказ с любовных походов Зевса.

¹⁰ Теплое озеро – озеро Иссык-Куль

¹¹ Катта-ханум – главная императрица, Сарай Мульк-ханум

– У верховного бога греков родился сын от земной женщины. Назвали его Геракл. После тяжелых родов женщина не смогла покормить сына, и бог Гермес отнес его жене Зевса Гере. Гермес не сказал богине, чей это ребенок, а она, очарованная красотой младенца, дала ему грудь. Насытившись, Геракл так укусил Геру, что вместе с молоком из ее груди потекла кровь. Капли ее упали на землю и превратились в камни. На одном таком ювелир изобразил самого Зевса. Этот камень я и преподнес вам.

Темур удивился рассказу.

– Так в том камне сила женщины?

– Выходит так, повелитель, – согласился Нимидин, – но женщина та – богиня! Самая могущественная среди богинь древних греков.

Разговор подошел к концу. Воины укладывались спать вокруг костров, которые мерцали красными всполохами, освещая фигуры дозорных, чутко прислушивающихся к ночным шорохам.

– Спать пора! – Темур встал, два воина выросли за его плечами. – Так ты идешь к Теплому озеру? – спросил он старика, тоже поднявшегося со своего места.

– Да, господин.

– Что ж, ночуй с воинами, а завтра наши дороги разойдутся.

– Благословенны будут дни ваши, – проговорил Нимидин, глядя в удаляющую спину полководца, перед которым уже расстилось пока еще туманное полотно великого будущего.

1405 год

Зыбкий утренний свет сочился сквозь резной рисунок панжары. Сарай Мульк-ханум так и не сомкнула глаз всю ночь. Ее величие, еще месяц тому назад кажущееся незыблемым, пало как платок с головы, вмиг обнажив незащитность. Нельзя сказать, что раньше, еще при жизни мужа, она не задумывалась об итоге. Думала! И делилась своими тревогами с Темуром. Он успокаивал: никто не посмеет обидеть даже без него! Защитой ей всегда будут дети и внуки, воспитание и забота о которых были возложены на ее плечи с самого ее появления в гареме. Уходя в чертоги Всевышнего, Темур заставил всех приближенных поклясться, что они неукоснительно выполнят его волю, что будут всеми силами способствовать сохранению империи, поддержат его избранника на престол – внука Пир-Мухаммад-Джахангира. Но не случилось. Пир-Мухаммад в скорбный час был далеко, а Халиль-Султан близко! Кто мог подумать, что именно от него случится предательство, что он воспользуется моментом и под нашептывания своей безродной жены захватит власть в Мавераннахре, что сядет на трон деда, а о Катта-ханум вспомнит лишь для того, чтобы передать власть в гареме Шади Мульк?!

Как все изменилось! Сарай Мульк-ханум не ожидала такого. Как голодные шакалы накиннулись на гарем Темура его бывшие псы! Разобрали наложниц, растащили сокровища, которыми осыпал их хозяин. Уже поглядывают и на жен! Она стара. Никому не нужна для усад. А вот Тукал-ханум в самом соку! Ей только миновало восемнадцать...

Да и ей не дадут жить спокойно. Шади Мульк уже плетет нить заговора. Чувствует Сарай Мульк-ханум опасность, чувствует по перешептыванию слуг, по взглядам приближенных – то жалостливым, то алчным. Что ж, она готова уйти! И Тукал заберет с собой! Не будет ей дальше достойной жизни! Лучше умереть, чем терпеть насилие и унижения от тех, кто годами копил злобу. Они отыграются! Только и ждут этого!

Сарай Мульк-ханум хлопнула в ладоши. Звонко! Требовательно! В покои вбежала служанка, упала на колени перед ее ложем.

– Позови Алимбека, только тихо, не шуми, пусть придет тайными коридорами.

Служанка понимающе кивнула и исчезла с глаз. Сарай Мульк-ханум встала. Скрутила седую косу на затылке, накинула парчовый халат, достала шкатулку с самыми любимыми

драгоценностями. Открыла ее и улыбнулась. Каждое колечко, каждая подвеска напоминали о муже! Он привозил ей самые прекрасные сокровища мира! Вот они, перед ней! Еще перед ней... Сарай Мульк-ханум провела пальцами по камням, играющим безупречной огранкой с лучами, пучком падающими на низенький столик под окном. Один камень привлек внимание императрицы. Невзрачный среди лалов, он был оправлен в скромный серебряный перстень. Катта-ханум вспомнила, как муж вручил его и сказал, что это дар от стариков Карши. Говорят, что камень этот из крови и молока древней богини, что он веками хранил старый город рядом с Карши от завоевателей, пусть теперь хранит Самарканд.

Сарай Мульк-ханум едва не завывала! Стон вырвался из ее горла, слезы брызнули из глаз. Самарканд! Не чужеземцы завоевали его! Собственный внук захватил! Видать, не хранит сила древней богини от измены, не в ее власти торжество справедливости и выполнение обязательств!

– Госпожа, – напряженный шепот за спиной заставил спрятать рыдания в горле.

Сарай Мульк-ханум смахнула слезы.

– Подойди, – приказала она, по голосу зная, кто пришел. – Видишь? – она обернулась. Худощавое лицо, облагороженное овальной бородкой, оказалось над ней. – Присядь. – Алимбек сел на колени. – Это моя сокровищница. Возьми. Тайно отвези в Карши. Найди там усадьбу моего племянника. Отдай тому, кто встретит. Скажи от меня. Все ж, не чужим людям достанется...

– Не знаю, госпожа, смогу ли вывезти из Самарканда.

Голос Алимбека не понравился Катта-ханум. Она резко встала, взглянула сурово.

– А ты постарайся! Чтобы старания твои были не зря, возьми это кольцо.

Сарай Мульк-ханум взяла из шкатулки массивный золотой перстень с изумрудом божественной красоты. Глаза Алимбека расширились. Такому подарку цены нет!

– Бери! А остальное доставь, куда сказала!

– Доставлю, госпожа, – на сей раз пообещал доверенный слуга.

– Иди уже, у меня много дел!

Алимбек удалился. Сарай Мульк-ханум позвала слуг, приказала достать платье из голубого шелка, парчовый халат, расшитый камнями. Царская диадема украсила посеребренную временем макушку императрицы, а тончайшее покрывало из золотистой органзы прикрыло голову и плечи. Сарай Мульк-ханум послала за Тукал-ханум, а сама налила вина в два золотых бокала. Щелкнул затвор перстня на ее пальце, и яд посыпался тонкой струйкой сначала в один, потом в другой бокал.

Ворота вечности приоткрылись для двух императриц...

Алимбек скакал, не щадя коня. Он выбрал окольный путь – через Бухару. Из Самарканда в Карши вела прямая дорога, мимо предгорий Зеравшанского хребта, и дальше по степи. От Карши шла дорога в Балх и дальше в Кандагар, где была резиденция Пир-Мухаммада. Ожидая сопротивление от других претендентов на трон деда, Халиль Султан усилил дороги, ведущие к Самарканду, своими отрядами. Каждый всадник, галопом скачущий на юг, мог вызвать подозрение и получить стрелу в спину.

Не доезжая Бухары, Алимбек свернул к Карши. Дорога, известная с древности, была одной из веток караванного пути, соединяющего Восток и Запад. Здесь можно было легко затеряться среди торгующего люда и добраться до нужного места без лишнего внимания.

Алимбек устал, конь едва держался на ногах. Пора было менять его, а то падет в дороге.

– Хозяин, коня и еды!

Властный голос доверенного императрицы привлек внимание других гостей караван-сарая. Один из них, по виду тоже посланник, подошел ближе.

– Алимбек? – поинтересовался он, узнавая и не узнавая в запыленном худощавом человеке своего знакомого.

Меньше всего сейчас хотелось Алимбеку общения с кем бы то ни было. У него было особое задание, о котором нельзя говорить, значит, придется хитрить.

Он узнал гонца, с которым в юности они вместе служили Амиру Темуру.

– Касым?

Касым, будучи от природы добродушным человеком, широко улыбнулся.

– Узнал!

Они сдержанно обнялись, похлопывая друг друга по плечу. Слуга принес поднос с едой.

– Тороплюсь, брат, сам понимаешь, – Алимбек, даже не присаживаясь, подхватил кусок жирной баранины, и жестом пригласил Касыма к трапезе. – Давно в дороге?

Касым проглотил кусок лепешки и ответил:

– Третьего дня выехал из дворца.

Алимбек подумал, что и он также. Что-то насторожило его. И хоть не принято было в их братии задавать вопросы, поинтересовался, начав издали:

– Время тревожное... с чем едешь?

Касым опустил голову. Исподлобья осмотрелся.

– Такие дела... он перешел на шепот. Императрица скончалась.

Алимбек едва не подавился.

– Какая? – вопрос прозвучал странно, потому что только о главной императрице говорили односложно. – Она?

Касым кивнул и добавил:

– И Кичик-ханум¹² с ней. Обоих нашли в покоях Катта-ханум. Слуги говорят, что отравили их... или сами... того... решили – лучше смерть, чем унижение... Родственникам ее сообщил, теперь еду к Улугбеку.

Алимбек понимающе кивнул. Подвели свежего коня. Он нетерпеливо перебирал ногами, ожидая стремительной скачки.

Попрощавшись с гонцом, доверенный посланник Катта-ханум взлетел на коня и рванул с места.

Когда до родного города императрицы осталось не более одного фарсаха, Алимбек натянул поводья. Конь оторопело встал. В его груди бешено стучало сердце, разгоняя кровь к ногам, только успевающим касаться земли в летящем беге. Но всаднику понадобился покой, чтобы обдумать то, что занимало его после сообщения о смерти хозяйки. Он спрыгнул с коня, взял его под уздцы и повел в сторону – к большому земляному холму, стоявшему на пути в Карши, как великан, который охранял всю долину.

Солнце за спиной садилось, и длинные тени ползли впереди, то сливаясь в единую и бесформенную, то разделяясь на две. Перед холмом еще сохранился земляной вал, некогда бывший оборонительной стеной спящего города. Алимбек прошел через провал, и, обойдя холм, присел в его тени, отпустив коня. Вокруг никого не было. Тишина. Лишь возня проснувшихся весной жуков и редкое всхлипывание болотной птицы нарушали ее. Алимбек поднял руки за голову и растянулся на траве, только-только пробивающейся к свету. В небе парил сокол. Он кружил, широко расправив крылья и выглядывая добычу.

Добыча! За пазухой гонца лежали сокровища самой могущественной женщины империи! Никто, кроме нее и его не знал о ее последнем поручении. Теперь ее нет. Но его жизнь впереди! Возвращаться во дворец опасно. Все знают, что он был на службе Катта-ханум. Будут допрашивать. Отберут последнее, если не лишат жизни! Ему надо уходить! И далеко! А с такими сокровищами он может разбогатеть и больше не служить никому. Но... строгий взгляд императрицы

¹² Кичик-ханум – младшая императрица Тукал-ханум

даже из запредельного буравил его, доходил до самого сердца. Нет, не может он не выполнить ее последней воли! Как жить потом? Слово чести – не последнее слово в его жизни!

Алимбек достал сверток. Разложил его на коленях. Самоцветы ослепили глаза! И голос совести замолк в их сиянии. Он взял одно кольцо, другое. Посмотрел на свет. Как играют камни! Как тяжелит руку массивное золотое обрамление!

Сверху посыпались камешки. Молниеносно вскочив, Алимбек оглянулся. Две мальчишеские головы, освещенные последними лучами солнца, торчали на фоне неба. Они тут же исчезли, и только удаляющийся детский смех долетел до ушей гонца. Сверток его упал, и сокровища императрицы рассыпались среди редких кустиков травы и сухой земли. Алимбек судорожно принялся собирать перстни, подвески. Он не знал наверняка, сколько их, какие уже в его руках, какие еще прячутся в сгущающейся тени холма. Алимбек шарил руками по земле, пытаясь нащупать то, что еще не нашел. Солнце скатилось за горизонт, и остались считанные мгновенья до того, когда ночь окутает мраком всю округу. Алимбек поднялся, перевел дух. Нет, он отдаст все родственникам императрицы! Хватит ему и ее перстня! Продаст при первом же удобном случае и будет жить спокойно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.